В.Г. Лысенко

Октябрина Федоровна Волкова[1]

Очерк жизни

Октябрина Федоровна Волкова умерла 22 октября 1988 года. Примерно за год до падения берлинской стены и за 3 года до развала СССР. Прощаясь с ней, никто не мог и представить, каким драматичным будет испытание долгожданной свободой — внешней, а не внутренней (внутренне свободным можно быть и в тюрьме), как жесткая логика новой эпохи уже не идеологическими, а чисто экономическими способами поставит под вопрос выживание таких экзотических занятий, как чтение древних санскритских текстов, в котором ей было мало равных. Трудно сказать – Октябрина Федоровна выбрала Индию или Индия выбрала ее, но скорее всего это было идеальное совпадение, точное попадание в «яблочко», когда индивидуальные поиски истины оказались созвучными многовековой традиции духовных исканий далекой страны. Она не имела ученых степеней и званий, не занимала академических должностей и ушла на пенсию младшим (!) научным сотрудником. Владея обширными познаниями и всеми навыками создания образцового научного текста, оригинально и остро мыслящая и умеющая передавать свои мысли в кратких и отточенных формулировках, она до обидного мало печаталась. Рутинная подготовка публикации была ей в тягость. Она говорила, что в научном исследовании главное для нее – процесс узнавания нового. Из-за чрезвычайной требовательности к себе не любила собственные тексты и часто забрасывала начатую работу. Ее стихией было не письменное, а устное слово, но не публичные выступления или лекции (она не была трибуном или оратором), а живое, как сейчас говорят, «интерактивное» общение – в кругу друзей и единомышленников. В начале 60-х годов у нее дома, на кухне, собирались будущие известные индологи, буддологи и тибетологи, устраивали семинары-посиделки с докладами и обсуждениями[2] или просто «тусовались» и при этом многие их разговоры, выдумки и «гениальные идеи» вращались вокруг Индии[3]. Сейчас гораздо труднее

---

[1] **Авторская версия (статья опубликована в сборнике** SMARANAM. Сборник статей по индологии и буддологии памяти Октябрины Федоровны Волковой**.** Восточная литература, 2006

[2] Например, Юрий Валентинович Кнорозов, известный специалист по языкам майя, вместе со своим другом Гурием Васильевичем Алексеевым, инженером по специальности, прекрасно разбиравшимся в китайской иероглифике, рассказывали о своих открытиях в области дешифровки древних языков.

[3] В этой индо-буддологической компании бывали Александр Пятигорский (профессор Лондонского университета), Борис Огибенин, профессор Страссбургского университета, Давид Зильберман, профессор

представить, чтобы вне институтов, конференций и круглых столов, на кухне, за рюмочкой, обсуждались бы проблемы понимания индийской мысли. Индологи склонны, как правило, к индивидуальной работе – в библиотеке или в собственном кабинете. Но тогда даже у отъявленных индивидуалистов была потребность поделиться своими открытиями; и там, на кухне у Октябрины (Реси, как ее называли близкие друзья),они встречали интерес и понимание.

Если русские писатели могли сказать, что они вышли из «Шинели» Гоголя, то многие индологи советской (и постсоветской) поры могут с таким же правом утверждать, что вышли из кухни Октябрины Федоровны, из кухни, или из кабинета – как ученики, которым она преподавала санскрит. Все, кто соприкасался с ней, испытали на себе магнетизм и силу ее личности. Она располагала к себе сразу и бесповоротно – никакой позы, абсолютная прозрачность и открытость всего облика, неизменное дружелюбие и простота обращения (но без всякой фамильярности). В нее влюблялись все – от друзей, коллег и учеников - до случайных знакомых или соседей по больничной палате. Удивительное дело, но при том, что она была в Индии всего один раз и провела там лишь две недели (в 1964 году, в Дели, на XXVI Международном Конгрессе Востоковедов с докладом "Легенда о Кунале", но как научный турист, то есть «за свой счет»), ее знание этой страны было совсем не книжным, а настолько живым, многогранным и неожиданным, что впору было предположить: в своих прошлых рождениях она жила именно там. Санскрит знала так, что могла не просто разбираться в первоисточниках со словарем, что тогда в основном и делали, а свободно *читать*, как другие читают по-английски или по-французски. И тогда и сейчас – это большая редкость. К ней ходили на консультации даже известные специалисты, никто не мог с таким блеском и знанием дела распутывать самые сложные хитросплетения санскритских текстов. У нее была не только потрясающая интуиция, но еще и инстинкт и азарт сыщика, умение «взять след» и дойти до конца. И при этом никаких авторских амбиций! Сколько своих находок и открытий Октябрина Федоровна щедро раздарила ученикам, сколько их переводов увидело свет благодаря ее помощи, но без ее подписи. Ее считали лучшим знатоком религиозно-философской литературы, особенно буддийской, но она разбиралась и в драме, и в поэзии,

---

Брандайзского ун-та (Бостон, США), нелепо погибший в США в возрасте 39 лет, Александр Сыркин, профессор Иерусалимского университета, Н.Ю. Лубоцкая и Е.С. Семека – все они по разным причинам уехали из СССР и получили признание за рубежом, но и оставшиеся тоже заслужили признание своими работами – литературовед Ю.М. Алиханова, историк Г.М. Бонгард-Левин (ныне академик РАН), тибетолог Ю.М.Парфионович, буддолог В.И.Рудой. В «ближний круг» входил и впоследствии эмигрировавший в США А.В. Герасимов, в те времена блестящий молодой санскритолог.

и в эпосе, и в индийской музыке, и в индийской математике. С уходом Октябрины Федоровны мы потеряли не только милостию Божией знатока санскритских текстов, индийской и буддийской культуры, но и яркую, харизматическую личность, Учителя (гуру) и Профессора (ачарья), верного друга, стойкого воина, рыцаря без страха и упрека, и самоотверженную мать всех собак и кошек[4]!

Со смертью Октябрины Федоровны исчез и «дом сестер Волковых» — небольшая двухкомнатная квартира на первом этаже по улице Вавилова. Инны Федоровны, которая, хотя и была младшей, но отношению к Октябрине Федоровне играла роль старшей сестры, к тому моменту уже не было в живых. Сестры были бездетны -- наследников не оказалось. Исчезло уникальное пространство, отмеченное яркой индивидуальностью своих обитателей. Атмосфера Индии, но не южной — томной и располагающей к неге, а скорее северной, граничащей с Тибетом, – аскетичной и суровой (множество книг, санскритские фолианты, словари, индийские ткани, тибетские танки, буддийская ритуальная утварь). И собаки, сначала элегантные колли Зетти и Ильена, потом два огромных ньюфаундленда, Донна Рона, в просторечии Дуня, и леди Джейн — царствовали на этом пространстве и в сердцах своих хозяек, со спокойным достоинством принимая их заботу и внимание[5]. Строгий порядок и чистота были законом – полы постоянно мылись (собачки дисциплинировали), пыль вытиралась, но гостей ни в чем не притесняли и даже не заставляли непременно снимать обувь. А народ толпился целыми днями – дом был центром притяжения для многочисленных друзей, приятелей, родственников, знакомых в том числе и по «по собачей линии» (после ухода на пенсию Октябрина Федоровна. стала заниматься «собачьими делами» и даже была судьей на выставках). К Волковым шли, ехали и летели из Ленинграда, Вильнюса, Тарту, Душанбе и других городов и весей. Дом был открытым – туда можно было явиться без звонка и просто забежать «на огонек», но вместе с тем посторонних и случайных там особо не привечали, круг друзей и знакомых был хоть и широк[6], но строго ограничен. «Попасть к

---

[4] У нее всегда были животные, она их прекрасно чувствовала и умела оказать деятельную помощь в случае их болезни. Когда занемог мой любимый кот, и я в полном отчаяньи позволила Октябрине Федороване, она сразу же сказала: «Приезжайте!». Кот был спасен.

[5] Когда гости собирались за столом, первый, «священный» тост был «За наше черное дело» (имелись в виду черные собаки – Дуня и Леди Джейн).

[6] «Палитра» ее общения поражает своим разнообразием и масштабами. Через дом Волковых в разные эпохи прошло множество интересных и ярких людей — востоковедов, философов, филологов, художников, журналистов, писателей, поэтов, кинематографистов, ученых. Это были разные компании и стиль общения в них тоже был разный – «богема» никогда не пересекалась с «наукой». При бескопромиссном характере

Волковым» было престижно.

В детстве Октябрина Федоровна перенесла тежелое заболевание (теберкулез костей) и всю жизнь страдала от его разрушительных последствий. Но язык не поворачивается назвать ее инвалидом. Иных болезнь подминает под себя, превращает в рабов. Октябрина Федоровна приняла свой недуг как вызов, он закалил ее, сделал сильной и даже отчаянной. В этой хрупкой женщине не было ничего от инвалидности с затаенной обидой на судьбу и постоянным сознанием своей неполноценности. Даже про болезнь, которая в конце концов свела ее в могилу, она говорила презрительно-насмешливо: «У меня рачок». Огромный познавательный интерес[7], даже какое-то жадное любопытство к жизни[8], авантюрная открытость ко всему новому, и — самое удивительное — легкость на подъем (это при ее проблемах передвижения!) – все в ней заставляло окружающих забывать о недуге и принимать как равную и даже – самую сильную. Когда же боль припирала, она никогда не жаловалась, а скорее иронизировала над собой, подчас шокируя окружающих своим неповторимым черным юмором.

Отношение ее к советской власти (как тогда говорили, Софье Власьевне) было примерно таким же, как и к собственной болезни. Не примирительно-оправдательное «приспособиться и жить», не открытая диссидентская борьба и постоянное противостояние, а скорее стремление не замечать и жить, будто ее, Софьи Власьевны, и нет вовсе. Академическая карьера не получилась, не могла получиться. Она бросила аспирантуру, поскольку не захотела сдать кандитатский экзамен по философии (марксизму-ленинизму)[9]. И так всю жизнь – бескомпромиссная последовательность, никаких уступок «врагу», никаких слабостей и просьб. Измена не прощалась («А.Г. вступил в партию» — «Во что, во что ступил?»). Для учеников, которым она преподавала санскрит, ее возраст не имел значения, она всегда держалась на равных, никогда не давила ни знанием, ни авторитетом, и вообще вела себя не как учитель, а как соученик – вместе

Октябрины Федоровны ее отношения с людьми не всегда складывались гладко, она легко сходилась с ними, но и расходилась тоже легко, даже по, казалось бы, мелким поводам.

[7] Ей нравилось заниматься языками, она их знала немало, и любила экзотические языки, вроде хеттского, который изучала в группе Вячеслав Всеволодовича Иванова. Помню, как мы, ее ученики, рассказали , что читаем по-польски западные детективы, недоступные в русских переводах. Она тут же зажглась этой идеей, и мы стали носить ей книжки из магазина «Дружба».

[8] Кто-раз спросил «А тебе не бывает скучно?». Она резко и сердито парировала: «Разве может быть человеку скучно?!».

[9] К тому времени у нее были сданы другие кандидатские экзамены – по специальности и иностранному языку. Одному из друзей она рассказала, что шла сдавать английский, но в тот день оказалось, что принимают только немецкий; так она сдала немецкий.

со своими учениками рассуждала и фантазировала, предполагала и сомневалась, радовалась, когда удавалось разобраться в сложной проблеме. В ней была какая-то детская непосредственность и даже озорство. Все в ее руках спорилось, взяла гитару – заиграла, взяла прялку и спицы – стала прясть и вязать, взялась лечить животных – вылечивала. Талантов было много и каждому находилось свое место и свое время[10]. …..

Сестры Волковы родились в семье командира Красной Армии Федора Андреевича Волкова, человека интереснейшей судьбы, достойной романа. Он был по этническому происхождению ингерманландец[11]. Фамилия Волков – это перевод ингерманландского (финно-угорского) слова-имени Суси (буквально «волк»). Родители Федора Андреевича, простые крестьяне (в семье было 9 детей), жили в селе Косколово, Сойкинской волости Ямбургского уезда Петербургской губернии. (ныне Кингисеппского района Ленинградской обл.). Там и родился Федор Андреевич 4 февраля (17 февраля) 1898 г. окончил церковно-приходскую школу, в 18 лет ушел добровольцем на фронт, был награжден тремя Георгиевскими крестами. В 1918 г. «уволился из старой армии и поступил в Первый Ямбургский Красногвардейский отряд», попал в плен к белым, бежал к своим, они сначала сгоряча приговорили его к расстрелу, но потом мало того, что не расстреляли, так еще и приняли в партию даже без кандидатского стажа[12]. Со своей будущей женой, Надеждой Степановной Прокшиц, матерью Октябрины и Инны, Федор Андреевич познакомился во время гражданской войны, в 1921 в Смоленске, где обучался на курсах старших строевых командиров при Объединённой Военной Школе Западного фронта. Потом был Ленинград и учеба в Военно-политической академии РККА, Полтава, Медынь и Хабаровск, где он служил комбригом особой строительной бригады (был близко знаком с В.К. Блюхером). В июле 1938 г. Федора Андреевича арестовали по обвинениям, входившим в 58 статью, за «шпионаж в пользу Польши и Японии». Надежду Степановну допрашивали целыми днями напролет, отпуская домой только переночевать. Но перед самой войной дело прекратили. Во время войны Федор Андреевич командовал полком, а потом пехотной дивизией и корпусом (91-ый стрелковый корпус 69-й армии 1-го Белорусского фронта), хорошо знал Г.К. Жукова. Закончил войну в Берлине генерал-

[10] Она проникновенно исполняла песни Галича, аккомпанируя себе на гитаре. Ее хрипловатый, прокуренный голос как нельзя лучше подходил для этого.

[11] Ингерманландцы – это небольшой этнос (выходцы из Финляндии), живущий ныне в Ленинградской области, Карелии, Эстонии. В дореволюционной России их называли «чухонцами».

[12] Из автобиографии, написанной им 30.08.1947 и хранящейся в деле №1255450 Архива Минобороны РФ, г. Подольск. Сведения о Федоре Андреевиче Волкове получены мною от сводного брата Октябрины Федоровны – Владимира Федоровича Волкова.

лейтенантом, Героем Советского Союза (за форсирование Вислы южнее польского города Пулавы в августе 1944 г.). Был помощником Главнокомандующего советскими оккупационными войсками в Германии, комендантом Магдебурга. В 1949 г. окончил Высшую военную академию (теперь Военная академия Генштаба), после защиты кандидатской диссертации по военным наукам преподавал там до своей кончины от рака в 1954 г. (в возрасте 56 лет). Был кавалером двух орденов Ленина, четырех орденов Красного Знамени, двух орденов Кутузова 1-й степени, ордена Суворова 2-й степени, а также иностранных орденов и медалей. Надежда Степановна рано лишилась родителей и, будучи старшей в семье, заменила мать своим братьям и сестрам. Как жена военного она занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. Умерла через два года после мужа, в 1956 г., от инсульта.

Октябрина Федоровна родилась 23 января 1926 года, когда семья жила в Ленинграде. Среднюю школу окончила в 1943 в эвакуации, в селе Березовское Приволжского района Саратовской области. В 1944 поступила на английское отделение Саратовского педагогического института, в 1945 перевелась в Государственный педагогический институт в Калинине (ныне Тверь). В 1946 ей пришлось прервать учебу по состоянию здоровья, но уже в 1947 она поступила на Индийское отделение Восточного факультета ЛГУ, которое окончила в 1952 по специальности филолог-индолог. Изучала санскрит, хинди, урду. По воспоминаниям однокурсников, учеба давалась ей легко[13], но экзамены, необходимость *демонстрировать* свои знания вызвали в ней внутренний протест – она могла порвать зачетку, раскричаться, но потом все-таки пойти и сдать. И тогда и всегда ей было трудно вписываться в общие правила, быть «как все» и делать «что нужно». После переезда в Москву, с 1952 по 1956, преподавала хинди и урду в Институте внешней торговли, одновременно, с 1953 по 1956 училась в аспирантуре Института востоковедения АН СССР, писала диссертацию на тему «Префикс в санскрите»[14]. В 1956 г. она стала научным сотрудником этого Института.

Можно сказать -- она оказалась в нужном месте в нужное время. В 1957 г. в Россию из Индии вернулся известный ученый Юрий Николаевич Рерих, сын знаменитого художника Николая Рериха. Именно Юрий Николаевич вместе со своим другом, послом Цейлона в СССР, профессором Гунапалой Пиясеной Малаласекерой, приложил огромные усилия для возрождения традиций «репрессированной» в сталинское время русской

[13] В выписке из ее зачетной ведомости только оценки "отлично", кроме госэкзамена по основам марксизма-ленинизма ("хорошо").

[14] Сестра Инна Федоровна, тоже выпускница Восточного факультета, в конце 60-х гг. работала в Индии переводчиком с хинди в Постпредстве СССР.

индологии и буддологии. В Институте востоковедения был организован Сектор истории индийской религии и философии под руководством Юрия Николаевича.»[15], где Малаласекера читал лекции по буддизму, преподавал пали и сингалький.

Для многих начинающих и молодых востоковедов это была настоящая встреча с Индией, с индийской культурой – не через «идеологически правильные» писания советских авторов и не через переводные или дореволюционные книги, а благодаря непосредственному контакту с людьми, пропитанными этой культурой, связанными с ней тесными узами. Так формировалось самое яркое в послевоенное время поколение индологов и буддологов. Нельзя забывать, что это стало возможным лишь благодаря некоторому ослаблению идеологического и партийного контроля во времена хрущевской «оттепели» (Никита Сергеевич лично покровительствовал и Рериху и Малаласекере). Молодежь, собиравшаяся вокруг них[16], увлекалась языками (все, кто знал какие-то языки, преподавали их друг другу), с удовольствием посещала семинары, заседания, заслушивалась рассказами Юрия Николаевича об Индии и просто дружески общалась как в Институте, так и за его пределами.

К тому времени Октябрина Федоровна уже хорошо знала санскрит и хинди, у Юрия Николаевича она занималась тибетским, у Малаласекеры – пали. После смерти академика А.П.Баранникова она взялась закончить и доработать его перевод с санскрита собрания буддийских джатак («Гирлянда джатак» Арьяшуры), написала к нему свои комментарии и предисловие (см. библиографию работ О.Ф.Волковой). Юрий Николаевич привлек ее и к работе комиссии, созданной для проверки переводов с санскрита Б.Л. Смирнова (речь шла об академическом издании его перевода «Махабхараты»). Она также начала работать над переводом одного из важнейших буддийских текстов махаяны - «Ланкаватара-сутры». Параллельно, вместе с Г.М. Бонгардом-Левиным, переводила и

---

[15] Выделили комнату в Институте, который тогда располагался в Армянском переулке. После смерти Юрия Николаевича, уже в другом помещении, был открыт мемориальный кабинет, в котором поместили его личную библиотеку, переданную в дар Институту его братом, художником Святославом Рерихом,– знаменитый «Кабинет Рериха». После переезда Института востоковедения в 1976 г. на улицу Рождественку (тогда – улицу Жданова), Кабинет сохранился, и, благодаря его бессменному смотрителю Ю.Н. Цыганкову, работает до сих пор.

[16] Сотрудниками Сектора были А.М.Пятигорский, О.Ф.Волкова, Е.С Семека (секретарь Юрия Николаевича), Ю.М. Парфионович, Н.Ю.Лубоцкая, И.М.Кутасова, аспирантами — Ю.М. Алиханова, В.В. Вертоградова, Г.М. Бонгард-Левин, Ю.Я. Цыганков, друзьями Сектора, заглядывавшими «на огонек» — Т.Я. Елизаренкова, тесно сотрудничавшая с Юрием Николаевичем, В.С.Костюченко, А.Я.Сыркин, А.В.Герасимов – все они связали свою жизнь с занятиями индийской и шире – многоязычной буддийской культурой.

готовила к публикации фрагменты рукописей буддийских текстов «Куналавадана» и «Ашока-авадана-мала», хранящихся в Рукописном отделе ЛО ИВАН (см. библиографию).

Однако этот оазис индологии процветал пока его поддерживал своей энергией и авторитетом Юрий Николаевич Рерих. Ученый был полон планов, но их осуществление было делом нелегким. В 1960 году в возрожденной им серии Bibliotheca Buddhica вышла в свет первая книга — перевод с пали знаменитого буддийского текста «Дхаммапада», однако по доносу бдительной «научной общественности» часть тиража книги была арестована[17]. Автора перевода и предисловия Владимира Николаевича Топорова обвиняли в «некритическом отношении к буддизму». Однако благодаря усилиям Юрия Николаевича книга все-таки вышла[18]. История с «Дхаммападой», постоянные проволочки с публикацией «Тибетско-русско-английского словаря» — дела жизни Юрия Николаевича и множество других подобных «нервных» ситуаций, требовавших от него активного вмешательства, не самым благоприятным образом сказывались на его здоровье. … В мае 1960 г. у него случился инфаркт, от которого он скончался в возрасте 58 лет. После смерти Юрия Николаевича сотрудники Сектора стали ежегодно в ноябре месяце проводить мемориальные «Рериховские чтения»[19]. По свидетельству очевидцев, свои доклады на этих Чтениях Октябрина Федоровна часто начинала фразой: «Каждый буддолог – буддист, каждый буддист – буддолог». Это была ее позиция по вопросу, который широко обсуждался в их кругу, – должен ли исследователь буддизма быть верующим буддистом, чтобы лучше понимать свой предмет? Октябрина Федоровна любила заострить проблему, бросить вызов и спровоцировать дискуссию[20].

На период после оставки Хрущева в 1964 г. до наступления к концу 60-х гг. эпохи брежневского «застоя» пришелся расцвет Московской-Тартуской школы. Летние школы в Тарту, в которых Октябрина Федоровна неизменно участвовала[21], были главными

---

[17] Надо сказать, что тираж для такого рода издания был фантастическим – 40 тыс. экземпляров, но сегодня эта книга уже раритет.

[18] В связи с этим рассказывают следующую историю. Юрию Николаевичу удалось раздобыть несколько экземпляров «Дхаммапады» и срочно отправить их за границу — в Индию, Италию и др. страны. Вскоре на стол директора Института востоковедения легли поздравительные телеграммы по случаю выхода книги, подписанные известными учеными и политиками, том числе и С. Радхакришнаном (тогдашним вице-президентом Индии). Делать было нечего, арест пришлось снять.

[19] В 90 гг. возобновлены и продолжаются и до сих пор.

[20] Это было очень похоже на дзенскую практику коанов – парадоксов, провоцирующих мысль.

[21] Она дружила с Юрием Михайловичем Лотманом и часто, приезжая в Тарту, останавливалась у него дома. Узы дружбы связывали ее со многими участниками этих конференций, но самым близким другом и соратником был эстонский буддолог Линнарт Мялль.

событиями интеллектуальной свободы, даже когда наступила эра «застоя с ее широкомасштабными процессами против «подписантов»». «Подписанты» оказались и среди сотрудников Сектора[22]. Начались расследования; многих, в том числе Октябрину Федоровну, тоже подписавшую письма, вызывали в компетентные органы. Нескольких сотрудников Института востоковедения уволили[23], они впоследствии эмигрировали.

Смерть Юрия Николаевича, прекращение работы созданного им Сектора, мытарства, преследования, а затем и эмиграция близких друзей – обозначили для Октябрины Федоровны новую эпоху ее жизни. На секторских собраниях ее «прорабатывали» за невыполнение индивидуальных планов и вообще за то, что она «занималась совсем не тем, что надо». Она действительно могла заниматься лишь тем, что было ей интересно. В эту грустную эпоху «надо» и «интересно» больше не совпадали. В 1972 г. в Бурятии было сфабриковано дело против выдающегося бурятского исследователя буддизма, буддиста по вероисповеданию Бидия Дандаровича Дандарона (28.12.1914-26.10.1974). Его обвиняли в создании религиозной секты и пропаганде буддизма (что, по сути, так и было; дико лишь то, что за это судили). В связи с этим делом начались преследования не только буддистов, но и буддологов. В свое время личность и деятельность Дандарона были высоко оценены Ю.Н.Рерихом, они совместно составили план публикации тибетских текстов для Bibliotheca Buddhica. Личность Дандарона, проведшего 19 лет в лагерях и ссылке, но не сломленного, произвела на Октябрину Федоровну сильнейшее впечатление[24]. Она познакомилась с ним в Улан-Удэ, в 1968 г., во время своей командировки от газеты «Комсомольская правда». Встреча с ним во многом изменила ее жизнь. Она получила посвящение и стала буддисткой. Во время процесса ее вызывали на допрос. В доме Волковых произвели обыск. Задуманный властями широкомасштабный антибуддийский процесс развалился, но Дандарона все же осудили. Через два года он погиб в лагере, а на все буддологические исследования и переводы текстов, особенно в области религии и философии, стали смотреть с удвоенным подозрением. За квартирой Волковых велось наблюдение, их телефон прослушивался. Многие коллеги и друзья, опасаясь за свою карьеру, перестали с ними общаться.

Октябрина Федоровна продолжала работать над переводом «Ланкаватара сутры» и ряда других текстов, но лишь для себя, «в стол», и целиком ушла в преподавание. Хотя

---

[22] В 1968 г. они подписали два письма в Прокуратуру СССР в защиту Гинзбурга и Галанского и в связи с вторжением советских войск в Чехословакию.

[23] Из индологов это были лингвист Ю.Я.Глазов и философ А.М.Пятигорский

[24] Свои впечатления о нем она, по воспоминаниям друзей, выразила словами «как принц», имея в виду его внутренний аристократизм и чувство собственного достоинства.

она обучала санскриту аспирантов и сотрудников Института, а также постоянно кого-то консультировала и редактировала, это не считалось научной работой. Институтское начальство постоянно вменяло ей в вину невыполнение индивидуального плана и в 1981 году ее отправили на «заслуженный отдых», как тогда говорили про пенсию. В Институте мало кто уходил на пенсию, достигнув пенсионного возраста (а для женщин это всего лишь 55 лет!), если же уходили, то по собственному желанию, ей же *предложили уйти* «по собственному желанию», поэтому она считала, что начальство просто захотело избавиться от политически неблагонадежного сотрудника. Но и на пенсии, в «частной жизни», Октябрина Федоровна продолжала консультировать, редактировать, заниматься с учениками. С ними она читала и переводила Калидасу, Нагарджуну, Шанкару, Бхартрихари-поэта и Бхартрихари-философа, «Бхагавадгиту», буддистские тексты («Хридая-сутру», «Ланкаватара-сутру»), эпиграфические источники, тексты по математике, музыке. Время от времени перепадал какой-нибудь научный заказ. Так, для известного энциклопедического издания «Мифы народов мира» она написала статью по джайнской мифологии. Переводила и сопоставляла санскритские и тибетские версии буддийских текстов.

Октябрине Федоровне выпало на долю пережить смерть младшей сестры, горячо любимого Инка. Она прожила еще четыре года и умерла, как отец и сестра, от «семейной болезни» — рака. Рак съедал ее стремительно, но атмосфера вокруг нее не была тяжелой, она, как могла, облегчала окружающим заботу о ней – никто, как она, не умел так естественно и просто превращать грустное в веселое, пусть даже это было веселье «сквозь слезы». По свидетельству близких друзей, она работала буквально до самого конца, торопилась закончить перевод «Ашока-авадана-малы» (совместно с Г.М.Бонгард-Левиным), но так и не успела …. или просто не могла, не умела поставить точку?

После нее осталось множество рукописей – подготовительные материалы и переводы, статьи – в основном незавершенные[25]. Но было бы, наверное, неправильно думать, что виною тому исключительно внешние обстоятельства: нехватка времени, или «козни» советской власти. Дело было в ней самой. Счастье научной работы заключалось для нее в познании, в постоянном открытии нового, а не в обработке и придании окончательной формы уже ей известному. Она была устремлена вперед, к новым открытиям. С тем и ушла от нас…

Коллеги, друзья, ученики посвящают этот сборник ее светлой памяти.

Виктория Лысенко

[25] Значительная часть архива Октябрины Федоровны бесследно исчезла, некоторые ее рукописи сохранились у Н.В.Исаевой и А.И.Бреславца.

Библиография работ
Октябрины Федоровны Волковой[26]

"Вайрагья " у Бхартрихари. – Краткие сообщения Института Народов Азии, М., 1961, вып. 57, с. 21-24.

Арья Шура. Гирлянда джатак или сказания о подвигах Бодхисаттвы. отв. Ред. Ю.Н.Рерих. Пер. с санскрита (совм. С А.П. Баранниковым), предисловие (с.5-24) и примечания (с.325-347). М., 1962. 348с.

Легенда о Кунале (Kunalavadana из неопубликованной рукописи Ashokavadanamala). М., 1963, 101 с. (совм. с Г.М.Бонгардом-Левиным).

The Kunala Legend and an Unpublished Ascokavadanamaala Manuscript. Moscow, 1963. 39с. (совм. с Г.М.Бонгардом-Левиным).

Kunalavadana. – Indian Studies. Past and Present. Calcutta, 1964, Jan.-March, vol.5, № 2, с.113-122 (совм. с Г.М.Бонгардом-Левиным).

Повести, сказки и притчи Древней Индии. М., 1964. — Пер. с пали и санскрита: Ария Шура. Джатака о великой обезьяне, с. 122-126; Джатака о дятле, с. 66-70; Сомадева. Океан сказани: История о Девасмите, с.126-131; Рассказ Девасмиты, с. 131-132; История о Шиве и Мадхве, с.132-137; История об Ашокадатте и Капаласпхоте, с.137-146; История о Киртисене, с.146-152; История о Нишчаядатте, с. 152-162.

Некоторые замечания о лексике «Ашока-авадана-мала». – Программа научной конференции по языкам Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1965, с. 45-46 (совм. с Г.М.Бонгардом-Левиным).

Легенда о Маре и Упагупте. – Идеологические течения в современной Индии. М., 1965 (совм. с Г.М.Бонгардом-Левиным).

Шридхара. "Патиганита". пер. с санскрита. – Физико-математические науки в странах Востока. Вып. 1 (4). М., 1966, с. 160-181. (совм. с А.И.Володарским).

Минаев как буддолог. – Иван Петрович Минаев. М., (Русские востоковеды и путешественники)1967 (совм. с Г.М.Бонгардом-Левиным).

Описание тонов индийской музыки. -- Труды по знаковым системам, II, Тарту, 1965 (Ученые записки ТГУ, вып. 181), с. 274-275.

Об одной поздней интерполяции в тексте «Дивьяаваданы». – Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1967, с.247-252 (совм. с Г.М.Бонгардом-Левиным).

О двух идеальных социумах буддизма. – Центральная Азия и Тибет. Материалы к конференции. Новосибирск, 1972, с. 115. (перепечатано в журнале «Гаруда», 1994,№ 2, с. 45-46).

Джайнская мифология. – Мифы народов мира. Энциклопедический словарь в 2-х тт.Т. 1., М., 1980, с. 369-372.

[26] Составлена В.Г.Лысенко

Шантаракшита. Компендиум категорий («Таттва-санграха») с комментарием Камалашилы. Предисловие и пер. с санскрита. – Петербургское востоковедение. Вып. 7, СПб., 1995, с.25-37.

Космография джайнов. – Индуизм. Джайнизм.Сикхизм. Словарь. М., 1996, с. 500-502.

Мифология джайнов. -- Индуизм. Джайнизм.Сикхизм. Словарь. М., 1996, с. 505-506.

Авикальпаправешадхарани. Пер. с санскрита. Предисловие Г.В.Алоянц, А.И.Бреславца и В.М. Монтлевича, примечания к предисловию В.М.Монтлевича, примечания к тексту Г.В.Алоянц– «Гаруда», 1997, № 2, с. 1-7.